

Научная статья

УДК 343.352

<https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.3>

Коррупцифобия как фактор снижения управленческой инициативности среди государственных и муниципальных служащих в среде «государство – общество»

Александр Александрович Максименко¹, Дина Владимировна Крылова²,
Александр Владимирович Зайцев³, Алексей Вячеславович Зябликов⁴,
Фарида Тагировна Ахунзянова⁵

^{1,2}Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

^{3,4,5}Костромской государственный университет, Кострома, Россия

¹Maximenko.AI@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

²krylovadv@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

³aleksandr-kostroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

⁴a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

⁵farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Аннотация. Статья посвящена феномену коррупцифобии в среде государственных и муниципальных служащих Российской Федерации как явлению, снижающему уровень управленческой инициативы, купирующему творческий подход современного чиновничества к профессиональной деятельности, блокирующему конструктивный диалог между государством и обществом. Под «коррупцифобией» авторами понимается боязнь совершить бытовое или профессиональное действие, которое может быть расценено как коррупционное правонарушение либо нарушение антикоррупционного законодательства, за которым последует соответствующее наказание. Данная боязнь ведет к подавлению стремлений к социальному взаимодействию и приводит к снижению управленческой инициативности и респонсивности в среде должностных лиц. Феномен коррупцифобии рассматривается авторами в контексте анализа различий системного и демонстративного вариантов противодействия коррупции в государстве. В завершение статьи авторы формулируют необходимые корректировки ряда направлений государственной и региональной антикоррупционной политики (в части освещения темы в СМИ и сети Интернет, содержания просветительских мероприятий), в том числе в отношении непосредственно государственных и муниципальных служащих.

Ключевые слова: управленческая инициативность, коррупцифобия, политическая коммуникация, системное противодействие коррупции, демонстративное противодействие коррупции, Российская Федерация, социальная справедливость, психология коррупции, доверие, диалог «государство – общество»

Финансирование: публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № FZEW-2023-0007.

Для цитирования: Максименко А.А., Крылова Д.В., Зайцев А.В., Зябликов А.В., Ахунзянова Ф.Т. Коррупцифобия как фактор снижения управленческой инициативности среди государственных и муниципальных служащих в среде «государство – общество» // Теория и практика общественного развития. 2023. № 11. С. 33–40. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.3>.

Original article

Corruption Phobia as a Factor in Reducing Managerial Initiative among the Officials in the «State – Society» Environment

Alexander A. Maksimenko¹, Dina V. Krylova², Alexander V. Zaitsev³,
Alexey V. Zyablikov⁴, Farida T. Akhunzyanova⁵

^{1,2}National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

^{3,4,5}Kostroma State University, Kostroma, Russia

¹Maximenko.AI@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

²krylovadv@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5069-0319>

³aleksandr-kostroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4977-8828>

⁴a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

⁵farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Abstract. The article is focused on the phenomenon of corruption phobia among the officials of the Russian Federation as a phenomenon that reduces the level of managerial initiative, inhibits the creative approach of modern bureaucracy to professional activities, and blocks constructive dialog between the state and society. According to

the authors, “corruption phobia” means the fear of committing a domestic or professional action that could be considered a corruption offense or a violation of anti-corruption legislation, which would be followed by appropriate punishment. However, this fear leads to the suppression of aspirations for social interaction and causes a decrease in managerial initiative and responsiveness among officials. The phenomenon of corruption phobia is considered by the authors in the context of analyzing the differences between systemic and demonstrative options for countering corruption in the state. In conclusion, the authors formulate necessary adjustments to a number of areas of state and regional anti-corruption policy (in terms of coverage of the topic in the media and the Internet, the content of educational activities), including in relation directly to officials.

Keywords: managerial initiative, corruption phobia, political communication, systemic anti-corruption, demonstrative anti-corruption, Russian Federation, social justice, psychology of corruption, trust, dialogue “state-society”

Funding: The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, project No. FZEW-2023-0007.

For citation: Maksimenko, A.A., Krylova, D.V., Zaitsev, A.V., Zyablikov, A.V. & Akhunzyanova, F.T. (2023) Corruption Phobia as a Factor in Reducing Managerial Initiative among the Officials in the “State-Society” Environment. *Theory and Practice of Social Development*. (11), 33–40. Available from: doi:10.24158/tipor.2023.11.3 (In Russian).

Противодействие коррупции – один из наиболее актуальных вопросов современного правового поля, а также популярная повестка для средств массовой информации (СМИ) и сетевого пространства. Данная тема в последние годы достаточно активно артикулируется и в научно-просветительской среде. Исследователи анализируют проблемы природы коррупции как деструктивного социального и экономического явления (Белов, 2012; Быстрова, Сильвестрос, 2000), изучают ее различные проявления (Соколов, 2020), вырабатывают рекомендации по совершенствованию методик борьбы с коррупцией на различных уровнях (Павлова, Твердохлеб, 2021), рассматривают возможности использования современных технологий (в частности, базирующихся на моделях искусственного интеллекта) для предупреждения и выявления коррупционных правонарушений (Крылова, Максименко, 2021).

Ученые сходятся во мнении, что противодействие коррупции должно иметь системный характер; важными факторами успеха при этом являются: степень консолидации государственных и общественных сил, рост уровня гражданской сознательности и активности, а также совершенствование антикоррупционного законодательства (сообразное видоизменениям форм и содержательных основ коррупции) (Сидоров, 2017; Фещенко, 2019).

На текущем этапе противодействия распространения данного негативного явления в РФ имеется законодательная база, позволяющая бороться с ним системно: Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273–ФЗ¹, Национальная стратегия противодействия коррупции (утверждена Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460)², до 2024 г. действует Национальный план противодействия коррупции в РФ (утвержден Указом Президента РФ от 16.08.2021 № 478)³. Ограничения, связанные с коррупцией, содержит и Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79–ФЗ⁴.

Однако законодательные механизмы, даже самые безупречные и совершенные, не будут эффективно работать без опоры на гражданское общество. Так, Б.В. Сидоров, ссылаясь на федеральное законодательство, отмечает: «Участие широких народных масс в антикоррупционной деятельности, целенаправленная активность гражданского общества, отдельных граждан и их организаций на всех этапах этой деятельности имеют особое значение. Взятчики и иные участники коррупционных правонарушений (преступлений) больше опасаются не своих коллег-чиновников, наделенных функциями надзора, контроля за их служебной деятельностью и функцией преследования за корыстное злоупотребление служебным положением, казнокрадство и иные виды коррупционной деятельности, а сознательных граждан, для которых коррупция – нетерпимое зло, с которым они готовы бороться, если, конечно, “власть имущие” не на словах, а на деле проявят политическую волю относительно “неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений” и наделят “институты гражданского общества, организации и физических лиц” необходимыми “полномочиями”, о которых упоминается в ч. 2 ст. 1 Федерального закона № 273–ФЗ от 25 декабря 2008 г.» (Сидоров, 2017: 113–114).

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273–ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Национальная стратегия противодействия коррупции (утверждена Указом Президента РФ от 13.04.2010 № 460) [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/565> (дата обращения: 15.04.2023).

³ Национальный план противодействия коррупции в РФ (утвержден Указом Президента РФ от 6.08.2021 № 478) [Электронный ресурс] // Там же. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47119> (дата обращения: 15.04.2023).

⁴ О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон от 27.07.2004 № 79–ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О степени сознательности населения в вопросах борьбы с коррупцией говорит анализ восприятия этого феномена. Так, по итогам исследования 2019 г., проведенного группой исследователей среди жителей Костромской области, было выявлено, что коррупция трактуется населением региона преимущественно в узком смысле («дача взятки»), а не в более широком («злоупотреблением служебным положением»). При этом опрошенные сходились во мнении о необходимости «солидаризированных действий в борьбе с коррупцией как сочетания общественного контроля и решительной политической воли Президента РФ» (Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект ..., 2019: 175). В связи с этим был сделан вывод о том, что «для того, чтобы препятствовать коррупционным проявлениям в органах власти, важно изменять через просветительские антикоррупционные программы отношение к коррупции и ее восприятие в верном направлении – как “использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав, авторитета, возможностей, связей в целях личной выгоды, противоречащее законодательству”» (Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект ..., 2019: 175).

Всероссийское исследование, ориентированное на изучение отношения к коррупции граждан нашей страны, показало, что россияне в недостаточной степени выражают готовность оказывать помощь институтам контроля и наказания и непосредственно участвовать в пресечении коррупционных деяний. При этом «довольно большая часть коррупционных практик (дарение, добровольная дача взятки, взаимные услуги, деловые договоренности и ретроградное премирование за предоставление более выгодных условий и т. д.) находятся в зоне серой коррупции, воспринимаемой россиянами как цивилизованные партнерские отношения» (Отношение россиян к коррупции ..., 2020: 422).

Подобное положение дел усиливает коррупционные риски в обществе, а также негативно сказывается на взаимоотношениях населения с органами государственной и муниципальной власти. Чиновники традиционно считаются одной из ключевых групп коррупционного риска. По данным Росстата, на середину 2021 г. в России имелось около чуть более 3,3 млн чел. служащих и работников категории «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение». С вычетом штатной численности военнослужащих и гражданского персонала ВС указанное количество сокращается до 1,4 млн чел., однако все равно государственные и муниципальные служащие составляют солидный сегмент профессионального состава населения РФ¹.

Используя метод анализа документов и кейсов, попробуем разобраться в этом феномене, искажающем и само противодействие коррупции, а также снижающем уровень инициативности государственных и муниципальных служащих и блокирующем диалог между государством и обществом.

Чиновничество как одна из самых критикуемых в народе (по поводу и без) профессиональных групп испытывает определенный ментальный и профессиональный дискомфорт: инертное (или даже панибратское) отношение населения к возможной коррупционной ситуации (когда речь идет о собственных интересах) при обращении в государственные и муниципальные органы, с одной стороны, и превентивный нажим государства (как работодателя) на служащих – с другой, способствуют возникновению в среде последних состояния «коррупциофобии».

Данное понятие практически не отражено в научном и информационном сегменте отечественного социально-экономического дискурса. По соответствующему запросу поисковая система «Яндекс» выдает перечень ссылок на один и тот же материал под авторством А. Вассермана – выдержку из книги «Хронические комментарии к российской истории» (Вассерман, 2013), в которой исследователь критикует инструмент оценки «восприятия» коррупции экспертным сообществом и населением как не дающий четкой картины реального состояния коррупции, а описывающий «степень беспокойства жителей страны по этому поводу» (Вассерман, 2013).

На ресурсе научной электронной библиотеки «Киберленинка» материалы, где понятие «коррупциофобия» присутствовало бы в заголовке, перечне ключевых слов или непосредственно в тексте не выявляются.

В нашем понимании коррупциофобия – это боязнь совершить бытовое или профессиональное действие, которое может быть расценено как коррупционное правонарушение или нарушение антикоррупционного законодательства и за которым последует соответствующее правовое наказание. Данная боязнь ведет к подавлению стремлений к социальному взаимодействию и к отрицанию управленческой инициативности в среде должностных лиц (государственных и муниципальных служащих). Коррупциофобия искажает (гиперболизирует) восприятие коррупции и ее последствий (в первую очередь персональных).

¹ Трудовые ресурсы, занятость и безработица [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 01.15.2023)

Коррупциозобию провоцирует и освещение в СМИ действий правоохранительных и следственных органов по борьбе с коррупцией. Именно характер публикуемых материалов (чаще всего – самые громкие дела) ставит вопрос о подлинном содержании данной борьбы: является ли она действительно системной (направленной в первую очередь на искоренение коррупции во всех сферах) или же демонстративной (связанной с выстраиванием грамотной инфополитики, отвлекающей население от реального состояния дел в секторе коррупции и борьбы с ней).

Однако корни коррупциозобии в среде чиновничества залегают гораздо глубже широко транслируемой информационной повестки. Уже на этапе отбора на службу потенциальный чиновник ощущает на себе давление вопроса «чистоты совести и помыслов». Соискателю предстоит пройти квалификационные испытания, в которых теме коррупции (законодательная база, понятийный аппарат и т.д.) фактически отводится главенствующая роль; тестовые задания также содержат солидный объем вопросов, связанных с понятиями «конфликт интересов», «взятка», «подкуп» и т.д. Потенциальный чиновник также должен подать на рассмотрение комиссии пакет документов, полностью раскрывающих его финансовое состояние (доходы различных видов, имеющаяся собственность). При этом он строго предупреждается, что информация о его финансах должна абсолютно соответствовать действительности, иначе ему может быть отказано в рассмотрении его кандидатуры в числе претендентов на должность.

Это приводит к тому, что человек, еще не успев приступить к исполнению обязанностей, уже напуган тем, что отныне любая его промашка, даже неосознанная (например, не указанный в справке о доходах банковский счет с нулевым балансом, не используемый уже много лет), может быть расценена как некое коварство, часть плана по незаконному обогащению, связанному с потенциальным местом работы в структуре государственной или муниципальной службы. Кроме того, соискателям и непосредственным государственным и муниципальным служащим ежегодно приходится отчитываться о доходах и имуществе супругов и детей, что не всегда просто с учетом вариативности возможных жизненных ситуаций.

Подобная подотчетность отвергает служащих в негативное состояние, когда страх быть наказанным, лишиться должности и понести репутационные издержки базируется не на осознании реально допущенных случаев коррупционного поведения или нарушения антикоррупционного законодательства, а на банальной паранойе. В то же самое время СМИ и сетевые ресурсы активно тиражируют инфоповоды о том, что силовики и чиновники крупного калибра оказываются под следствием за коррупцию (дела «золотого полковника» Д. Захарченко, экс-губернатора Сахалина А. Хорошавина, генерала ФСБ Ю. Сулина и др.). При этом газета «Новые известия» в январе 2023 г. писала о том, что за последние три года «кривая коррупционных преступлений ползет вверх»¹. Как указано в статье, эксперты связывают это в первую очередь с интенсификацией антикоррупционной активности общества и силовых структур, а не с ростом реального количества правонарушений². Однако условному чиновнику среднего звена, писавшему объяснительную из-за того, что внутренними переводами со своей банковской карты на свой же банковский счет он создал фиктивную картину имеющихся у него средств, сложно понять, как в государстве, так активно борющемся с коррупцией даже на низовом уровне (среди специалистов со скромными окладами), может долгие годы оставаться безнаказанным служащий высокого ранга с миллиардными запасами, зашитыми в стену своей виллы.

Реальные коррупционеры отвергают общепринятые моральные принципы, опираясь на собственный интеллект и некий цинизм: «Они готовы игнорировать установленные правила, руководствуясь своими индивидуальными ценностями, оппортунистическими мотивациями и прагматичными взглядами» (Крылова, Максименко, 2022 а: 248). Однако подобных чиновников меньшинство, это пример «коррупции хищника»; более распространена коррупция комфорта (среди чиновников среднего и низшего ранга). Кроме того, нередки случаи, когда «хищники» за вознаграждение делегируют коррупционные «полномочия», формально оставаясь вне преступных схем. Это создает дополнительное давление на чиновников среднего и низшего ранга, которые зачастую оказываются сразу между нескольких «огней»: им необходимо организовать работу так, чтобы не получать за нее сомнительные вознаграждения от благодарных граждан; выстраивать аккуратные отношения с начальством, так как в данном разрезе они могут попасть под подозрения в нечестности, а также (желая сохранить свою работу) имеют опасность быть втянутыми в незаконные схемы; принимать многократно взвешенные решения и буквально дрожать над достоверностью любого заверенного их подписью документа – простая человеческая невнимательность или техническая ошибка, опечатка (особенно в финансовой отчетности) могут привести к началу уголовного преследования.

¹ Больше ловят или больше воруют? Почему растет число коррупционных дел [Электронный ресурс] // Новые известия. URL: <https://newizv.ru/turbopages.org/newizv.ru/s/news/2023-01-12/bolshe-lovyat-ili-bolshe-voruyut-pochemu-rastet-chislo-korrupcionnyh-del-393393> (дата обращения: 15.04.2023).

² Там же.

Чиновники, опасаясь репутационных издержек, при распределении целевых средств федерального и регионального бюджета, зачастую ведут себя безынициативно: любая персональная идея (даже самая здравая и безупречная с точки зрения совести) о направлении средств в то или иное русло (например, при субсидировании строительной отрасли, проектов городского благоустройства, сфер образования, просвещения, туризма и др.) может быть расценена коллегами, народом или же контролирующими органами как попытка направить деньги на развитие сомнительного, персонально выгодного проекта. Поэтому многие государственные и муниципальные служащие, стремясь нивелировать возможные подозрения, при решении актуальных для населенного пункта (региона, страны) задач стараются либо идти уже «проторенной дорожкой», либо согласовывать каждый шаг и слово с вышестоящим начальством, которое также может пытаться переложить ответственность выше. Когда же приходит время подписания акта выполненных работ, чиновник (который априори не имеет возможности полностью проконтролировать качество реализации субсидированного его ведомством проекта) направляет исполнителя в арбитражный суд, чтобы заручиться поддержкой третьей стороны и, возможно, экспертизой, снимающей с него подозрения в том, что он участвовал в сговоре с целью приобретения выгоды для себя.

Но если полковник Д. Захарченко, бывший заместитель начальника главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции (!) МВД РФ, за период практически в 10 лет (2007–2016 гг.) смог получить взятки на астрономическую сумму в 1,4 млрд руб., велась ли все эти годы реальная борьба с коррупцией? И не был ли последующий информационный гром его дела демонстративным запугиванием, в том числе и чиновничества?

Существует и другой пример борьбы с коррупцией в РФ. Речь о кресле мэра Владивостока, о котором издание «Аргументы и факты» писало так: «Должность градоначальника в России чрезвычайно опасна с точки зрения уголовной ответственности. Счет мэров, которые из своих кресел переместились сразу на тюремные нары, идет уже на десятки. Но даже на этом фоне должность мэра Владивостока – аномальная. Назначение на этот пост делает фактически неизбежной необходимость сушить сухари»¹. Экс-мэр Игорь Пушкарев (2008–2017 гг.) был осужден на 15 лет колонии строгого режима за получение взятки в особо крупном размере, до него уголовным преследованиям по коррупционным статьям подвергались владивостокские градоначальники Владимир Николаев (2004–2008 гг.), Юрий Копылов (2000–2004 гг.), Виктор Черепков (1994, 1996–1998 гг.).

Значит ли это, что реальная коррупция в Приморском крае в несколько раз выше, чем в любом из регионов Центрального федерального округа, не прославившихся подобными громкими скандалами? Едва ли.

Широкое освещение коррупционных дел и скандалов в средствах массовой информации, с одной стороны, говорит об открытости власти, но с другой – взращивает коррупцифобию, главный негативный эффект которой – страх репутационных издержек, связанных с профессиональной деятельностью, снижение инициативности государственных и муниципальных служащих.

С коррупцифобией связан вопрос о системном и демонстративном противодействии коррупции (табл. 1). Такого рода деятельность повышает доверие населения к государственным и муниципальным служащим, не оказывает негативного влияния на их инициативность, не ввергает чиновников в состояние коррупцифобии, при этом реальный уровень коррупции в стране снижается. Демонстративное противодействие, создавая иллюзию масштабной борьбы, подавляет инициативу чиновников, снижает уровень доверия к ним со стороны граждан, усиливает их тревожность и паранойю при принятии управленческих решений, при этом уровень коррупции в стране остается высоким (институционально).

Таблица 1 – Сравнительный анализ различий системного и демонстративного противодействия коррупции

Table 1 – Comparative Analysis of the Differences between Systemic and Demonstrative Counteraction to Corruption

Характер противодействия	Инициативность	Доверие	Коррупцифобия	Коррупция
Системное	Не влияет	Повышается	Снижается	Снижается
Демонстративное	Подавляется	Понижается	Повышается	Неоднозначно ²

Даже при наличии законодательной базы, позволяющей вести системную борьбу с коррупцией, в реальной практике не хватает гибких механизмов и достаточных условий, которые не нивелировали бы инициативу государственных гражданских и муниципальных служащих.

¹ Город грехов. Почему мэры Владивостока так часто «сушат сухари» [Электронный ресурс] // АиФ. URL: https://aif.ru/money/corruption/gorod_grehov_pochemu_mery_vladivostoka_tak_chasto_sushat_suhari (дата обращения: 15.04.2023)

² Растет размер взятки в институциональной коррупции при снижении его в бытовой.

Приведем отрывок из сетевой статьи 2019 г. «Борьба с коррупцией или ее имитация»: «Что касается нечистых на руку чиновников высшего звена, то, несмотря на увеличение количества громких уголовных дел в отношении таких лиц, общество не воспринимает данную практику как полноценную, системную борьбу с коррупцией. Достаточно почитать комментарии к публикуемым фактам подобного рода – подавляющее большинство наших сограждан считают, что тот или иной попавшийся в жернова правоохранителей крупный деятель, “нахапавший” миллионы, а то и миллиарды, занимая важный пост, либо с кем-то не поделился, либо перешел кому-то дорогу, а может, влез на чью-то чужую “поляну” и стал “доить не свою корову”. Версий много, но только мало кто при этом верит, что речь идет о настоящей войне, объявленной облеченным властью коррупционерам. Да и как тут можно спорить? Что ни делец высокого полета (губернатор ли, министр, высокопоставленный сотрудник правоохранительных и прочих структур исполнительной власти, сенатор или депутат), то миллиарды обнаруженных денежных средств, которые даже не спрятаны в тайниках, а лежат на виду, в шкафах, сейфах, а иногда в хозяйственных мешках»¹.

Эти слова, автором которых является один из отечественных адвокатов, говорят о том, что демонстративность (даже несмотря на размах и громкую тональность) не свидетельствует о системности. Она лишь запутывает население и запугивает (лишает инициативности) массу слушающих, изначально не склонных к коррупционному поведению.

Таким образом, коррупцифобия, с одной стороны, предостерегает многих государственных гражданских и муниципальных служащих от возможных коррупционных правонарушений, но с другой – оказывает негативное воздействие на их инициативность, купирует любой творческий подход к работе (в некоторых сферах, например, науке, образовании, культуре и др. чиновникам он действительно не помешал бы), ввергает в состояние тревожности и паранойи. На наш взгляд, вышеуказанные противоречия могут быть хотя бы отчасти преодолены за счет корректировки некоторых основ государственной и региональной антикоррупционной политики. Среди необходимых мер следует назвать следующие:

- изменение характера освещения вопросов коррупции и результатов борьбы с коррупцией в СМИ (уход от гущения красок, внесение в повестку стабильной парадигмы, полагающей борьбу с коррупцией неотъемлемым элементом государственной политики, инструментом установления социальной справедливости, а не самоцелью);

- ненавязчивая антикоррупционная пропаганда, аккуратно вплетенная в том числе в общую систему просветительских мероприятий среди различных категорий населения страны (данный запрос среди жителей РФ весьма высок при неизменном интересе россиян к путям развития государства) (Dukhanina, Maksimenko, 2019);

- разъяснительный, а не устрашающий характер антикоррупционного просвещения. Подобная работа должна проводиться системно, начиная со старшей ступени школы, плавно перетекая в учреждения среднего профессионального образования и вузы. В частности, первокурсникам (среди которых изначально присутствует определенное количество будущих государственных и муниципальных служащих) со дня поступления в учебное заведение необходимо разъяснять, как стоит действовать, если они стали объектами или свидетелями вымогательства (Представления о коррупции в системе высшего образования у выпускников ведущих российских вузов ..., 2020). В то же время необходимо работать в этом направлении с сотрудниками и преподавателями ссузов и вузов (нормирование этической культуры) (Проблемы нормирования этической культуры преподавателей российских университетов ..., 2022). В целом, важно усиливать моральный контент-компонент в системе высшего профессионального образования (Этические установки будущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ ..., 2023).

В отношении непосредственно борьбы с коррупцифобией как с фактором отрицания управленческой инициативности в среде государственных и муниципальных служащих требуется:

- деликатная имплементация антикоррупционных этических стандартов как ценностных элементов культуры государственных и муниципальных служащих (в доверительной, а не предосудительной риторике);

- поощрительная политика в отношении инициативных служащих (особенно в среднем и низшем звене);

- совершенствование системы контроля доходов и имущества государственных гражданских и муниципальных служащих (через налоговую инспекцию, банки и другие социальные институты без вовлечения в изнурительное заполнение справок самих служащих);

- активное внедрение технологий, позволяющих оценивать кандидата на должность на предмет склонности к коррупции незаметно для него самого (Крылова, Максимова, 2022 б).

Постулирование феномена коррупцифобии как научной и общественной проблемы имеет ряд дальнейших исследовательских перспектив:

¹ Назаров Е. Борьба с коррупцией или ее имитация? [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/borba-s-korrupsiyey-ili-ee-imitatsiya/> (дата обращения: 15.04.2023).

- формирование понятийно-категориальной базы;
- статистический анализ (изучение соотношения фактического количества коррупционных правонарушений и нарушений антикоррупционного законодательства в среде чиновничества различных уровней);
- проведение социологического исследования среди государственных и муниципальных служащих (на уровне столиц, мегаполисов, регионов) по вопросам коррупциофобии в их среде.

Список источников:

- Белов В.В. Феномен российской коррупции // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 75–81.
- Быстрова А.С., Сильвестрос М.В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 1. С. 83–101.
- Вассерман А.А. Хронические комментарии к российской истории: новая эра глазами Вассермана. М., 2013. 383 с.
- Восприятие коррупции как социально-экономического феномена населением региона: структурный аспект / М.И. Беркович [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 2. С. 161–178. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.10>.
- Крылова Д.В., Максименко А.А. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2022 а. № 3 (169). С. 230–253. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2076>.
- Крылова Д.В., Максименко А.А. Роль искусственного интеллекта в антикоррупционном рекрутинге // Научный результат. Серия: Технология бизнеса и сервиса. 2022 б. Т. 8, № 2. С. 94–107. <https://doi.org/10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-9>.
- Крылова Д.В., Максименко А.А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 241–255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>.
- Отношение россиян к коррупции / А.А. Максименко [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2020. Т. 13, № 4. С. 407–428. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.404>.
- Павлова Г.Г., Твердохлеб К.А. Современные методы противодействия коррупции на государственном и муниципальном уровне // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2021. № 3 (56). С. 50–56.
- Представления о коррупции в системе высшего образования у выпускников ведущих российских вузов / О.С. Дейнека [и др.] // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 7. С. 64–74. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74>.
- Проблемы нормирования этической культуры преподавателей российских университетов / А.А. Максименко [и др.] // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 2. С. 9–27. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-2-9-27>.
- Сидоров Б.В. Системный подход к решению проблем противодействия коррупции // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 109–117. <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5510>.
- Соколов А.В. Негативно-социальные проявления коррупции // Образование и право. 2020. № 4. С. 208–218. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10429>.
- Фещенко П.Н. Системный подход к противодействию коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 138–143. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.99.2.138-143>.
- Этические установки будущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ / А.А. Максименко [и др.] // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 2. С. 68–97. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-2-68-97>.
- Dukhanina L., Maksimenko A. Enlightenment Demands of Russians // Educational Studies. Moscow. 2019. № 2. P. 226–240. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2019-2-226-240>.

References:

- Belov, V. V. (2012) Fenomen rossijskoj korupcii [Phenomenon of russian corruption]. Journal of Public and Municipal Administration. (3), 75–80. (In Russian).
- Berkovich, M., Dukhanina, L. N., Maksimenko, A. A. & Nadutkina, I. E. (2019) Perception of Corruption as a Socio-Economic Phenomenon by the Population of a Region: the Structural Aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 12 (2), 161–178. Available from: doi:10.15838/esc.2019.2.62.10. (In Russian).
- Bystrova, A. S. & Silvestros, M. V. (2000) Phenomen of Corruption: Some Research Approaches. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 3 (1), 83–101. (In Russian).
- Deyneka, O. S., Dukhanina, L. N., Krylova, D. V. & Maksimenko, A. A. (2020) Perceptions of Corruption in Higher Education among Alumni of the Leading Russian Universities. *Higher Education in Russia*. 2 (7), 64–74. Available from: doi:10.31992/0869-3617-2020-29-7-64-74. (In Russian).
- Dukhanina, L. & Maksimenko, A. (2019) Enlightenment Demands of Russians. *Educational Studies. Moscow*. (2), 226–240. Available from: doi:10.17323/1814-9545-2019-2-226-240.
- Feshchenko, P. N. (2019) Systematic Approach to Corruption Control. *Actual Problems of Russian Law*. (2 (99)), 138–143. Available from: doi:10.17803/1994-1471.2019.99.2.138-143. (In Russian).
- Krylova, D. V. & Maksimenko, A. A. (2021) Using Artificial Intelligence in Corruption Discernment and Counteraction: International Experience Review. *E-Journal Public Administration*. (84), 241–255. Available from: doi:10.24412/2070-1381-2021-84-241-255. (In Russian).
- Krylova, D. V. & Maksimenko, A. A. (2022) Does a Russian Corrupt Official Have Conscience? Peculiarities of Ethical Decision-Making by Russian Civil Servants. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. (3 (169)), 230–253. Available from: doi:10.14515/monitoring.2022.3.2076. (In Russian).
- Krylova, D. V. & Maksimenko, A. A. (2022) The Role of Artificial Intelligence in Anticorruption Recruiting. *Nauchnyi rezultat. Seriya: Tekhnologiya biznesa i servisa*. 8 (2), 94–107. Available from: doi:10.18413/2408-9346-2022-8-2-0-9. (In Russian).
- Maksimenko, A. A., Deyneka, O. S., Dukhanina, L. N. & Krylova, D. V. (2022) Russian University Teachers' Ethical Culture Regulation. *Higher Education in Russia*. 31 (2), 9–27. Available from: doi:10.31992/0869-3617-2022-31-2-9-27. (In Russian).
- Maksimenko, A. A., Deyneka, O. S., Krylova, D. V. & Dukhanina, L. N. (2020) The Attitude of Russians Towards Corruption. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Sotsiologiya*. 13 (4), 407–428. Available from: doi:10.21638/spbu12.2020.404. (In Russian).

Maksimenko, A. A., Deyneka, O. S., Krylova, D. V., Zabelina, E. V. & Bulgakova, E. A. (2023) Ethical Attitudes of the Future Russian Officials and Businessmen: Comparative Analysis. *Education and Science Journal*. 25 (2), 68–97. Available from: doi:10.17853/1994-5639-2023-2-68-97. (In Russian).

Pavlova, G. G. & Tverdokhlebov, K. A. (2021) Modern Methods Of Anti-Corruption at the State and Municipal Level. *Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*. (3 (56)), 50–56. (In Russian).

Sidorov, B. V. (2017) System Approach to Solution of Anti-Corruption Problem. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. (1), 109–117. Available from: doi:10.18454/VEPS.2017.1.5510. (In Russian).

Sokolov, A. V. (2020) Negative Social Manifestations of Corruption. *Obrazovanie i pravo*. (4), 208–218. Available from: doi:10.24411/2076-1503-2020-10429. (In Russian).

Vasserman, A. A. (2013) *Khronicheskie kommentarii k rossiiskoi istorii: novaya era glazami Vassermana* [Chronicle comments on russian history: A new era through the eyes of Wasserman]. Moscow. 383 p. (In Russian).

Информация об авторах

А.А. Максименко – доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=775397

Д.В. Крылова – заведующая проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1090518

А.В. Зайцев – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, Кострома, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=750152

А.В. Зябликов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, Кострома, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=328925

Ф.Т. Ахунзянова – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций Костромского государственного университета, Кострома, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=647044

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов:

авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

A.A. Maksimenko – D.Phil. in Sociology, PhD in Psychology, Associate Professor, Chief Researcher of the Project and Training Laboratory of Anti-Corruption Policy, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=775397

D.V. Krylova – Head of the Anti-Corruption Policy Project and Training Laboratory, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=1090518

A.V. Zaitsev – D.Phil. in Political Science, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=750152

A.V. Zyablikov – D.Phil. in History, Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=328925

F.T. Akhunzyanova – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=647044

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

Conflicts of interests:

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 17.08.2023;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.09.2023;
Принята к публикации / Accepted for publication 28.11.2023.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.